

Стороженко Н. И.

**Предшественники
Шекспира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
С82

С82   **Стороженко Н. И.**
Предшественники Шекспира / Стороженко Н. И. – М.: Книга по Требованию,
2012. – 226 с.

ISBN 978-5-4241-3436-4

Николай Ильич Стороженко (1836–1906) – русский ученый, литературовед, шекспировед. Каждая работа Стороженко по теме, связанной с великим драматургом раскрывает нам разностороннего, в то время единственного в России знатока предмета. Стороженко принадлежит множество работ и очерков по истории английской драмы, в том числе, во «Всеобщей истории литературы».

ISBN 978-5-4241-3436-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Предшественники Шекспира
Эпизодъ изъ исторіи
Англійской драмы в эпоху
Елисаветы
Сочиненіе
Николая Стороженка
Томъ I
Лилли и Марло

*Go, little booke, God send thee good
passage*

*And specially let this be thy prayere
Unto them all that thee will read or hear
Where thou art wrong, after their help
to call*

*Thee to correct in part or all.
Chaucer*

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предлагаемое вниманію читателей сочиненіе вытекло изъ желанія уяснить самому себѣ ходъ развитія англійской драмы до появленія Шекспира. Почтенные труды Колльера, Ульрици, Гервинуса и др., хотя и пролили много свѣта на исторію стариннаго англійскаго театра, но далеко не разрѣшили всѣхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ вопросовъ. Трудъ Колльера, изумляющій богатствомъ матеріала, едва-ли можетъ принести много пользы не специалисту, потому что представляетъ собой не болѣе какъ грудъ фактовъ, лишенныхъ общей руководящей идеи и связанныхъ между собой чисто внѣшнимъ хронологическимъ образомъ. Сочиненія Ульрици и Гервинуса страдаютъ совершенно противоположнымъ недостаткомъ — страстью систематизировать не строго провѣренныя данныя, пригоняя ихъ къ заранѣ составленному воззрѣнію. Какимъ стройнымъ и логическимъ представляется по теоріи Ульрици развитіе основныхъ моментовъ англійской драмы, совершающееся въ силу присущаго ей внутренняго закона, а на самомъ дѣлѣ какъ оно было запутано и неорганично! Вредная сторона этихъ искусственныхъ построеній состоитъ въ томъ, что они своей логической стройностью усыпляютъ энергію изслѣдователя, приучаютъ его успокоиваться на разъ добытыхъ результатахъ и въ концѣ концовъ порождаютъ самодовольный ученый квіетизмъ. Намъ казалось, что при такомъ положеніи дѣла, когда даже богатая западная литература, обладающая множествомъ специальныхъ работъ посвященныхъ различнымъ сторонамъ вопроса насъ занимающаго, не въ состояніи представить ни одного вполне надежнаго руководства для изученія дошекспировской драмы, всякій трудъ, излагающій безъ предвзятой мысли фактическую сторону предмета, частью провѣряющій прежнія положенія, частью пополняющій существующіе пробѣлы новыми фактическими данными, будетъ не совсѣмъ бесполезенъ для молодой русской науки, только что начинающей критически относиться къ произведеніямъ западныхъ ученыхъ. Предоставляя критикѣ опредѣлить отношеніе моего труда къ работамъ другихъ изслѣдователей, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его планѣ.

Все сочиненіе рассчитано на два тома. Первый, теперь выходящій, заключаетъ въ себѣ очеркъ развитія англійской драмы до той поры, когда она наконецъ получаетъ подъ рукой Марло художественную организацію. Второй, который я надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени, будетъ посвященъ обзору произведеній второстепенныхъ драматурговъ, развившихся подъ вліяніемъ Марло и служащихъ, такъ сказать, связующей нитью между нимъ и Шекспиромъ. Здѣсь я обращаю особенное вниманіе на технику дошекспировской драмы и на отношеніе ея къ техникѣ произведеній Шекспира и на основаніи данныхъ, добытыхъ сравненіемъ, попытаюсь выдѣлить въ драматическомъ стилѣ Шекспира то, что принадлежитъ лично ему, изъ того что по всей справедливости должно быть признано безспорнымъ достояніемъ его предшественниковъ.

ГЛАВА I

Начатки англійскаго театра

Составные элементы средневѣковой драмы: народно-бытовой и церковно-литургическій. — Древнѣйшія свидѣтельства о театральныхъ представленіяхъ въ Англіи. — Выводы изъ нихъ вытекающіе. — Общая характеристика англійскихъ мистерій. — Вторженіе въ нихъ народно-бытовой стихіи. — Сценическая постановка мистерій. — Возникновеніе аллегорическихъ пьесъ, извѣстныхъ подъ именемъ Моралите и отношеніе ихъ къ мистеріямъ. — Значеніе Моралите въ исторіи развитія англійской драмы. — Понятіе объ интерлюдіи. — Джонъ Гейвудъ; его біографія и сочиненія. — Обзоръ главнѣйшихъ интерлюдій Гейвуда. — Ихъ литературный характеръ и историческое значеніе. — Роль народно-бытоваго элемента въ исторіи стариннаго англійскаго театра.

Въ раннемъ историческомъ возрастѣ народной жизни всякое идеальное стремленіе, всякое проявленіе высшихъ потребностей духа находится въ тѣсной связи съ религіознымъ міросозерцаніемъ народа. Нигдѣ впрочемъ эта связь не раскрывается съ такой полнотой и очевидностью, какъ въ сферѣ искусства и поэзіи. Относительно послѣдней можно, пожалуй, подумать, что на первой ступени своего развитія она не только состоитъ на службѣ у религіи, но что религіозное чувство создало ее исключительно для своихъ цѣлей. Древнѣйшимъ памятникомъ лирической поэзіи считаются веддійскіе гимны; первенецъ эпической поэзіи есть мифъ или поэтическое сказаніе о богахъ; наконецъ начатковъ драматическаго искусства нужно искать въ вакхическихъ хорахъ, сопровождавшихъ священныя процессіи въ честь Діониса, которыя въ древней Греціи составляли принадлежность самаго религіознаго культа. Подобно драмѣ греческой и средневѣковая драма развилась изъ языческой и христіанской обрядности среднихъ вѣковъ. Наивная фантазія древнихъ насельниковъ Европы, полная вѣры въ демоническія силы природы, видѣла въ каждомъ ея феноменѣ, въ каждомъ ея неизмѣнномъ процессѣ, проявленіе личной воли и сознательнаго могущества. Упорная вѣра въ божественную личность стихійныхъ силъ въ связи съ надѣленіемъ ихъ человѣческими свойствами составляетъ характеристическую черту религіознаго сознанія первобытнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этой вѣры возникли уже въ глубокой древности сказанія о лѣтѣ и зимѣ, какъ о двухъ братьяхъ¹⁾, а періодически-повторяющаяся смѣна одного времени другимъ подала поводъ къ олицетворенію ихъ въ образѣ двухъ соперниковъ, борющихся между собой за право господства надъ землей. Описывая различныя празднества и игры, которыми у древнихъ германцевъ сопровождалось чествованіе наступающей весны, Яковъ Гриммъ упоминаетъ *о спорѣ лѣта съ зимой*, обрядѣ весьма распространенномъ въ средніе вѣка въ Германіи — и видитъ въ переряживаньи двухъ соперниковъ, въ ихъ вѣроятномъ обмѣнѣ рѣчами въ присутствіи хора поселянъ, — первые грубые задатки сценическаго искусства²⁾.

Въ спорѣ лѣта съ зимой, описанномъ Гриммомъ, перевѣсъ остается на сторонѣ лѣта, и сельская молодежь торжествуетъ его побѣду радостными восклицаніями и насмѣшками надъ зимой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы, преимущественно въ славянскихъ земляхъ, соломенное чучело, изображающее зиму или смерть, съ пѣснями носятъ по селу, а потомъ сжигаютъ или бросаютъ въ воду³⁾.

Вслѣдъ за изгнаніемъ зимы въ Швеціи, Даніи и на островѣ Готландѣ происходила торжественный вѣздъ лѣта (Mairitt), составлявшій, такъ сказать, второй актъ народной обрядовой драмы. Сельская молодежь избирала изъ среды себя распорядителя празднества, который носилъ титулъ майскаго графа (Maigraf). Подъ его предводительствомъ двигалась изъ лѣсу многочисленная, увѣнчанная цвѣтами, процессія, символически изображавшая наступленіе лѣта. При вѣздѣ въ селеніе ее встрѣчали съ веселыми пѣснями хоръ дѣвушекъ; изъ числа ихъ графъ выбиралъ себѣ подругу (majinde) и въ знакъ ея новаго достоинства надѣвалъ на нее вѣнокъ; затѣмъ поѣздъ двигался далѣе, всюду сопровождаемый восторженными кликами, пѣніемъ и звономъ колоколовъ ⁴⁾).

Изслѣдователи, не признающіе за подобными обрядами драматическаго характера, упускаютъ изъ виду историческую точку зрѣнія и рассматриваютъ драматическій элементъ, какъ нѣчто обособившееся, совершенно выдѣлившееся изъ общаго религіозно-эпическаго содержанія средневѣковой обрядности. Конечно, ничего подобнаго мы не найдемъ на первой ступени драмы, когда драматическій элементъ находится еще въ смѣшанномъ видѣ съ эпическимъ и лирическимъ, а миѳическое содержаніе, набрасывая на все свой величаво-сумрачный колоритъ, скрываетъ собою первые, еще робкіе, шаги новорожденнаго драматическаго искусства. Все что можно найти въ данномъ случаѣ — это развѣ начатки драматической формы въ традиціонномъ обмѣнѣ рѣчей между лѣтомъ и зимой, въ припѣвахъ хора, и зародышъ сценическаго искусства въ костюмированіи лѣта и зимы, въ торжественной обстановкѣ майской процессіи и т. п., но и это немного имѣетъ въ глазахъ историка литературы большую цѣну, потому что позволяетъ ему наблюдать любопытный процессъ зарожденія драматическихъ формъ изъ чисто народныхъ элементовъ. Въ рождественскихъ обрядахъ Франціи, въ обиходѣ славянской свадьбы, въ германскомъ старинномъ обычаѣ перереживанья на масляницу, наконецъ въ дѣтскихъ играхъ нѣмцевъ и славянъ ⁵⁾ скрывается много матеріаловъ для начальнаго періода европейской драмы. Къ сожалѣнію подробное изученіе это-то вопроса — какъ оно само по себѣ ни заманчиво — лежитъ внѣ предѣловъ нашей задачи, и мы принуждены будемъ ограничиться немногими указаніями на присутствіе драматическаго элемента въ обрядахъ, играхъ и народныхъ празднествахъ Англіи.

Въ Англіи не сохранилось преданій о борьбѣ лѣта съ зимой, а потому всѣ народные обряды, связанные съ чествованіемъ возрождающейся природы, группируются главнымъ образомъ вокругъ вѣзда майскаго короля. Цѣлый кругъ игръ и обрядовъ, относящихся къ этому событію, носитъ названіе майскихъ игръ (Maygames или Mayings). Въ старину майскія игры были вполнѣ національнымъ праздникомъ; въ нихъ принимали участіе всѣ англичане безъ различія сословій: богачи и бѣдняки, раздѣленные предрасудками рожденія и богатства, чувствовали себя въ это время членами одной народной семьи и соединялись въ живомъ чувствѣ природы, въ свѣжестъ восхищеніи прелестью весенняго дня ⁶⁾. На зарѣ перваго мая молодые люди обоого пола отправлялись въ близъ лежащій лѣсъ, ломали зеленяя вѣтви, рвали только что распустившіеся цвѣты, плели изъ нихъ вѣнки и при первыхъ лучахъ восходящаго солнца возвращались изъ лѣсу съ майскимъ деревомъ (May-pole), которое везли за ними нѣсколько паръ воловъ. Съ пѣснями и музыкой веселая толпа водружала майское дерево среди селенія или на городской площади, и вокругъ него начинались игры и танцы. Въ распо-

рядители праздника здѣсь — какъ и въ Германіи — избирался молодой человѣкъ, котораго величали майскимъ королемъ (King of the May) или майскимъ лордомъ (Lord of the May). Въ подруги ему избиралась молодыми людьми красивѣйшая дѣвушка въ деревнѣ, носившая титулъ майской царицы (Queen of the May). Быть хоть разъ избранной въ майскія царицы было завѣтной мечтой всякой дѣвушки, и воспоминаніе объ этой счастливой порѣ она сохраняла всю свою жизнь ⁷⁾. Торжественный обиходъ майскихъ празднествъ въ Англіи имѣлъ въ себѣ много сценическаго, а раннее введеніе въ нихъ полумифическаго, полусторическаго Робинъ-Гуда съ его неизмѣнными спутниками — дѣвицей Маріанъ, монахомъ Тукомъ и трехъ-аршиннымъ верзилой Малюткой-Джономъ (Little John) сообщило имъ рѣшительно драматическій характеръ. Сохранилась до сихъ поръ, конечно въ грубой формѣ, народная драма о Робинъ-Гудѣ, которая называлась королевской игрой (King game), вѣроятно потому, что Робинъ-Гудъ замѣнилъ собою прежняго майскаго короля, и въ старину исполнялась во время майскихъ празднествъ нерѣдко въ самихъ церквяхъ ⁸⁾. О древности ея можно судить изъ того, что уже въ XIII в. на Винчестерскомъ соборѣ (1240 г.) духовенству было строго запрещено допускать представленіе этой пьесы въ церквяхъ ⁹⁾, но надо полагать, что запрещеніе осталось мертвой буквой, такъ какъ само духовенство не меньше народа было заражено языческимъ суевѣріемъ и охотно отворяло церковныя двери для чествованія любимаго національнаго героя Англіи. Въ извѣстной аллегорической поэмѣ Vision of Piers Ploughman, написанной во второй половинѣ XIV столѣтія (около 1360 г.), выведенъ невѣжественный сельскій священникъ — очевидно типическій представитель современнаго автору сельскаго духовенства — который не можетъ проговорить безъ ошибки *Отче нашъ*, но за то отлично знаетъ баллады о Робинъ-Гудѣ и графѣ Рандольфѣ ¹⁰⁾. Въ 16 в. майскія игры, съ Робинъ-Гудомъ во главѣ, сдѣлались такъ популярны, что народъ праздновалъ ихъ не только весь май, но и большую часть іюня, и въ теченіи всего этого времени драма изъ жизни Робинъ-Гуда по прежнему игралась въ церквяхъ, не смотря на вопли пуританскихъ проповѣдниковъ ¹¹⁾. Епископъ Латимеръ, въ одной изъ своихъ проповѣдей, произнесенныхъ въ присутствіи Эдуарда VI, рассказываетъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій о сильной привязанности англичанъ къ майскимъ играмъ, ради которыхъ они всегда готовы были пожертвовать религіознымъ назиданіемъ. Однажды — говоритъ онъ — проѣзжая изъ Лондона къ себѣ въ Лейстерширъ, я далъ знать въ одинъ изъ лежавшихъ по дорогѣ городовъ, что на слѣдующій день, по случаю праздника, я намѣренъ сказать проповѣдь. Я рассчитывалъ, что по обыкновенію найду въ церкви много народу; подъѣзжаю и вижу, что даже двери церковныя заперты. Пришлось подождать добрыхъ полчаса и болѣе пока ихъ наконецъ не отперли, и я могъ войти въ церковь. Но тутъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ прихожанъ и сказалъ: "Извините, сегодня мы въ большихъ хлопотахъ, и не можемъ васъ слушать: сегодня мы празднуемъ память Робинъ-Гуда, и весь народъ отправился въ лѣсъ за Робинъ-Гудомъ". Я думалъ, что мое епископское облаченіе произведетъ какое нибудь дѣйствіе; не тутъ то было — и я принужденъ былъ уступить мое мѣсто Робинъ-Гуду и его свитѣ ¹²⁾. Непремѣнную принадлежность майскихъ игръ составляла, такъ называемая, мавританская пляска (moris dance), родъ драматической пантомимы, по преданію вывезенной изъ Испаніи извѣстнымъ покровителемъ Чосера, Джономъ Гаунтомъ. Кромѣ Робинъ-Гуда и его веселой свиты сюда подъ вліяніемъ преданій

животного эпоса были введены маски, изображающія животных, — обезьяну (Babian) и лошадь (Hobby-horse). Это были лица комическія, имѣвшія способность своими смѣшными тѣлодвиженіями возбуждать веселость зрителей ¹³⁾. Къ майскимъ играмъ примыкали лѣтнія празднества (Summerings), происходившія наканунѣ Иванова дня, праздникъ стрижки овецъ (Sheep-shearing Feast), въ распорядители котораго избирался всякій разъ особый пастушескій король (Shepherd-king), далѣе — праздники, связанные съ началомъ жатвы (Harvest-home), своимъ демократическимъ характеромъ напоминавшія римскія сатурналіи и т. н. ¹⁴⁾.

Всѣ эти обрядовыя торжества, разнообразившія собою монотонный обиходъ средневѣковой жизни, сопровождались процессіями, пѣснями, танцами, переряживаньемъ, пантомимами и другими затѣями. Обрядовая сторона нѣкоторыхъ изъ нихъ носитъ на себѣ слѣды глубокой древности; нерѣдко символическая оболочка обряда указываетъ на его отдаленный миѳическій источникъ. Таковъ напр. обычай зажиганія костровъ наканунѣ Иванова дня, общій германскимъ и славянскимъ племенамъ и связанный съ вѣрованіемъ въ благотѣльную силу священнаго огня ¹⁵⁾. Не такъ давно къ нѣкоторыхъ мѣстностямъ сѣверной Англіи, преимущественно въ Йоркширѣ, переряженные поселяне каждую осень исполняли мимическую пляску, которую они называли пляской исполиновъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ ея мы встрѣчаемъ боговъ сѣверной миѳологіи — Водана и его супругу Фриггу, а содержаніе пантомимы, вѣроятно основанное на какомъ нибудь миѳическомъ преданіи, состоитъ въ томъ, что два человѣка, танцуя, машутъ обнаженными мечами вокругъ шеи стоящаго посреди ихъ мальчика и стараются его не задѣть ¹⁶⁾. Нерѣдко передъ началомъ пляски между противниками происходилъ стихотворный обмѣнъ рѣчей, какъ это видно изъ одного отрывка, изданнаго Ритсономъ по рукописи британскаго музея ¹⁷⁾. Вообще пляска съ мечами ведетъ свое начало съ глубокой древности и составляетъ принадлежность почти каждаго обрядоваго торжества германскихъ народовъ ¹⁸⁾. Въ первый понедѣльникъ, слѣдующій за Крещеніемъ (Plough-Monday), по англійскимъ деревнямъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія можно было видѣть любопытную обрядовую процессію: поселяне въ своихъ праздничныхъ блузахъ, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, стройными рядами проходили по улицамъ, при звукахъ музыки, таща за собой эмблему своихъ занятій — плугъ. Процессія эта, устраиваемая ежегодно передъ началомъ полевыхъ работъ, оканчивалась пляской мечей, которая постоянно собирала вокругъ себя толпы любопытныхъ. Обязанность дѣлать сборъ съ глазѣющей публики возлагалась на двухъ разбитныхъ малыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ наряженъ старухой, а другой, одѣтый въ звѣриную шкуру шерстью вверхъ, въ косматой шапкѣ и съ громаднымъ хвостомъ, волочившимся по землѣ, изображалъ изъ себя не то дьявола, не то шута ¹⁹⁾. Гораздо болѣе драматическаго можно найти въ такихъ народныхъ играхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ какое нибудь историческое событіе, сильно поразившее народное воображеніе. Таково было народное представленіе, встарину ежегодно разыгрываемое поселянами Ковентри въ память истребленія Датчанъ при королѣ Этельредѣ. Деревенскіе актеры-любители раздѣлялись на двѣ партіи — Англичанъ и Датчанъ, при чемъ враждующія стороны не только жестикулировали, изображая сраженіе, но и перебрасывались между собой стихами ²⁰⁾.

Но особенно важень въ сценическомъ и бытовомъ отношеніяхъ праздникъ

Рождества (Christmas), замѣнившій собою старинный англосаксонскій праздникъ новаго года (Geol daeg). Чествованіе его въ "старой веселой Англіи" и обряды съ нимъ связанныя заключали въ себѣ много элементовъ драмы, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли бы лечь въ основу англійскаго народнаго театра.

Ещё наканунѣ Рождества (Christmas eve) въ городахъ и селахъ старинной Англіи все принимало веселый и праздничный видъ. Окна самыхъ бѣдныхъ коттеджей, равно какъ и самыхъ роскошныхъ замковъ, были убраны зеленою лавра, плюща и остролистника. Въ этотъ день не было никакихъ общественныхъ увеселеній, и празднество имѣло исключительно семейный характеръ. Послѣ захода солнца молодежь, состоящая изъ членовъ семейства, прислуги и немногихъ близкихъ, съ пѣснями и музыкой вносила въ домъ огромный пенъ и сваливала его посрединѣ залы. Каждый изъ членовъ семейства долженъ былъ сѣсть на немъ, пропѣть пѣсню (Jule Song) и выпить стаканъ элю въ честь великаго праздника. Послѣ этого полѣно разрубали на части, клали на самый большой каминъ, который въ старину находился всегда по срединѣ комнаты и зажигали кускомъ дерева, сбереженнымъ отъ прошлаго года. Вспыхивалъ огонь, весело трещало сухое дерево, и вся семья располагалась вокругъ камина, слушала страшные рассказы изъ міра легендъ и народныхъ повѣрій и угощалась нарочно приготовленными печеніями съ изображеніемъ младенца Иисуса ²¹⁾ Утро праздника начиналось пѣніемъ религіозныхъ пѣсень (Christmas Carols), имѣвшихъ прямое отношеніе къ чествуемому событію. Группы разодѣтыхъ поселянъ, распѣвая ихъ, переходили отъ одного дома къ другому, и получаемая деньги и разныя разности клали въ особую корзинку (Christmas-box) и потомъ дѣлили межъ собой. Кромѣ этихъ пѣсень чисто-религіознаго характера были еще другія, свѣтскія и веселыя, которыя пѣлись за обѣдомъ, особенно, когда, при звукахъ трубъ и роговъ, подавалось на столъ традиціонное рождественское блюдо — кабанья голова ²²⁾. Начавшееся такимъ образомъ празднество продолжалось въ средніе вѣка не меньше двѣнадцати дней въ городахъ и около шести недѣль по деревнямъ и селамъ. Рождественскіе святки до сихъ поръ остаются самымъ любимымъ и веселымъ праздникомъ въ Англіи. Разъ въ году англичанинъ считаетъ долгомъ сбросить съ себя ледяную маску дѣловой серьезности, натянутой чопорности и выказать другія, болѣе симпатическія, стороны своей природы. Въ англійскомъ Christmas нѣтъ южной поэзіи и граціи, этого дождя цвѣтовъ и конфетъ, этой заразительной, опьяняющей суматохи итальянскаго карнавала; за то въ немъ быть можетъ больше внутренней задушевной веселости. — Кто не видалъ въ эти дни англичанъ, тотъ не знаетъ, сколько юмора, остроумныхъ затѣй и неистощимаго смѣха таится на днѣ ихъ народнаго характера. Но теперешній Christmas показался бы чѣмъ-то крайне-монотоннымъ и скареднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ старину. Тогда — это былъ пиръ на весь міръ въ буквальный значеніи этого слова. Двери каждаго дома были растворены настежь; въ нихъ съ утра до поздней ночи могли входить гости, (а гостемъ былъ всякій), въ сопровожденіи арфистовъ, менестрелей, фокусниковъ и распорядиться какъ у себя дома. Обыкновенно все то, что изготовлялось въ теченіе цѣлаго года, было истребляемо въ нѣсколько дней. Разгоряченное элемъ воображеніе изобрѣтало самыя причудливыя затѣи, переворачивало вверхъ дномъ всѣ общественныя отношенія: власть Лорда-мэра не признавалась больше въ городѣ; вмѣсто него самовластно царилъ — олицетвореніе святочнаго разгула — *Царь*

безпорядковъ (Lord of Misrule), который распоряжался всѣми праздничными потѣхами и увеселеніями. Подъ его руководствомъ и при его непосредственномъ участіи устраивались шуточные маскарадныя процессіи, комическія пантомимы, разыгрывались фарсы и т. д. Драматическій элементъ съ давнихъ поръ игралъ видную роль въ святочныхъ увеселеніяхъ Англіи. Полидоръ Виргилій, ученый итальянецъ, жившій при дворѣ Генриха VIII и написавшій на латинскомъ языкѣ исторію Англіи, — увѣряетъ, что уже въ концѣ XII в. было въ обычаѣ давать на святкахъ представленія (*ludos*) съ самой роскошной обстановкой²³). Въ 1348 при дворѣ Эдуарда III на рождественскихъ святкахъ были устроены какія-то представленія, по всей вѣроятности маски и пантомимы, для которыхъ потребовалось нѣсколько десятковъ масокъ и восемьдесятъ разноцвѣтныхъ костюмовъ²⁴). Съ теченіемъ времени въ этихъ представленіяхъ драматическій элементъ беретъ верхъ надъ мимическимъ, и на святкахъ 1489 г., современникъ вмѣсто обычныхъ маскарадныхъ процессій (*disguisings*) видѣлъ нѣсколько правильныхъ пьесъ. Сколько можно судить по его краткому описанію пьесы эти были свѣтскаго характера, нѣчто въ родѣ импровизированныхъ фарсовъ, въ которыхъ Abbot of Misrule могъ вполне развернуть свой комическій талантъ.²⁵) Къ той же категоріи относились святочные представленія, встарину ежегодно устраиваемыя въ стѣнахъ университетовъ и юридическихъ академій (*Inns*), гдѣ выводились на сцену въ карикатурномъ видѣ парламентъ, судьи адвокаты и т. д.²⁶). Провинція не отставала отъ столицы: въ самихъ глухихъ закоулкахъ Англіи святочные увеселенія не обходились безъ маленькихъ одноактныхъ пьесъ или фарсовъ, принаровленныхъ къ незатѣливому вкусу деревенской публики.²⁷) Любимой рождественской пьесой было представленіе изъ жизни св. Георга, патрона и заступника Англіи. Въ средніе вѣка была извѣстна мистерія о св. Георгѣ; въ день, посвященный памяти этого святаго, она обыкновенно игралась въ церквяхъ. При вступленіи на престолъ Елисаветы, когда мистеріи были запрещены наравнѣ съ религиозными процессіями, какъ остатки католическаго суевѣрія, народная драматургія овладѣла легендой о св. Георгѣ и сдѣлала изъ нея рождественскій фарсъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ дошелъ до насъ въ различныхъ редакціяхъ, смотря по мѣстности, гдѣ они записаны. Такъ по крайней мѣрѣ мы объясняемъ себѣ возникновеніе народныхъ пьесъ изъ жизни св. Георга, неизвѣстныхъ въ средніе вѣка. Замѣчательнѣе всего, что въ народныхъ передѣлкахъ легенда окончательно теряетъ свой христіанскій характеръ. Герой ея — не воинъ христовъ, поражающій врага христовой церкви дьявола въ видѣ дракона, а сильный рыцарь родомъ изъ Ковентри, который мечемъ добываетъ себѣ три короны и, вырвавши изъ когтей дракона дочь египетскаго царя, женится на ней и везетъ ее въ свой родной городокъ, гдѣ — они по словамъ народной баллады — проводятъ много лѣтъ въ счастіи и радости.²⁸) Фарсъ, изданный Сэндисомъ, можетъ служить образчикомъ народныхъ обработокъ легенды о св. Георгѣ. Дѣйствіе его вращается около побѣды коventрійскаго витязя надъ его тремя противниками, въ числѣ которыхъ очутился — неизвѣстно вслѣдствіе какихъ соображеній — знаменитый паладинъ Карла В., архіепископъ Турпинъ, превратившійся въ гиганта. Св. Георгъ убиваетъ поочередно всѣхъ своихъ противниковъ, но призванный шарлатанъ-докторъ исцѣляетъ ихъ посредствомъ жизненнаго элексира, такъ что св. Георгу приходится убивать ихъ во второй разъ. Такимъ образомъ вся пьеса состоитъ изъ шести свалокъ, прерываемыхъ краткими рѣчами противниковъ, и имѣетъ совер-

шенно балаганный характеръ. Въ заключеніе Дядя-Рождество (Father Christmas) — олицетвореніе великаго праздника — объявляетъ публикѣ, что представленіе кончено, и, со шляпой въ рукѣ обходитъ всѣхъ присутствующихъ, прося ихъ бросить въ шляпу кто сколько можетъ.²⁹⁾ Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько подробнѣе на этихъ безыскусственныхъ памятникахъ народной драматургіи, потому что историки англійской драмы обыкновенно оставляютъ ихъ безъ вниманія, а между тѣмъ знаніе ихъ въ высшей степени важно. Борьба двухъ стихій — церковно-литургической и народно-бытовой — которыя то расходятся, то сливаются между собой, пока одна изъ нихъ не беретъ окончательнаго перевѣса надъ другой, составляетъ главное содержаніе исторіи средневѣковой драмы. Вставочныя сцены народно-бытоваго характера, зачастую попадающихъ въ французскихъ и англійскихъ мистеріяхъ, будутъ совершенно непонятно, если мы не возведемъ ихъ къ ихъ первоначальнымъ источникамъ — обрядовымъ играмъ языческой древности и святочнымъ народнымъ фарсамъ. Но признавая за описанными нами памятниками народно-бытовой драматургіи громадное историческое значеніе, какъ за однимъ изъ существенныхъ элементовъ стариннаго европейскаго театра, мы не можемъ вслѣдъ за Яковомъ Гримагомъ³⁰⁾ считать ихъ единственнымъ источникомъ средневѣковой драмы вообще и ставить къ нимъ въ подчиненное отношеніе — мистеріи, возникшія совершенно самостоятельно на другой почвѣ, подъ другими вліяніями. Представленія, извѣстныя въ средніе вѣка подъ именемъ мистерій, развились изъ драматическихъ элементовъ, коренящихся въ самомъ обиходѣ католическаго богослуженія, и если въ послѣдствіи подъ вліяніемъ народно-бытовыхъ началъ, они существенно измѣняютъ свой характеръ, то не нужно упускать изъ виду, что это происходитъ въ сравнительно-позднее время, и что чѣмъ древнѣе мистерія, тѣмъ меньше въ ней уступокъ мірскимъ интересамъ, тѣмъ строже она сохраняетъ свой первоначальный литургическій типъ. Въ исторіи средневѣковой мистеріи можно различить три періода, три послѣдовательныхъ фазиса развитія: въ начальномъ періодѣ, обнимающемъ приблизительно X и XI вѣкъ, мистерія еще не имѣла характера самостоятельнаго представленія; составляя только часть праздничной литургіи, она даже не игралась, а пѣлась на латинскомъ языкѣ. Мѣстомъ ея представленія была церковь, а авторами и исполнителями лица духовнаго сана и ихъ причты. Сюжеты ея вращались около трехъ великихъ моментовъ евангельской исторіи — Рожденія, Смерти и Воскресенія Спасителя. Къ памятникамъ этой первобытной эпохи можно между прочимъ отнести изданную Моне³¹⁾ латинскую мистерію Воскресенія Христова, озаглавленную въ рукописи просто Пасхальной службой (*officium resurrectionis*) и итальянскую, изданную Палермо въ второмъ томѣ его I Manoscritti Palatini, которую Эбертъ³²⁾ считаетъ типической представительницей литургическихъ мистерій, не смотря на то, что она написана уже на итальянскомъ языкѣ. Съ теченіемъ времени область мистеріальныхъ сюжетовъ значительно расширилась: вошло въ обычай драматизировать не только событія Новаго Завѣта, но Вѣтхаго и житій святыхъ; сообразно этому допускалось больше свободы въ обращеніи съ сюжетами. Авторы литургическихъ мистерій строго держались текста Св. писанія и позволяли себѣ только перефразировать его, оттого литургическая мистерія имѣетъ по большей части чисто-эпическій характеръ. Но мало по малу искусство проникаетъ и въ эту заповѣдную область: то тамъ, то здѣсь авторы позволяютъ вставлять въ рѣчи